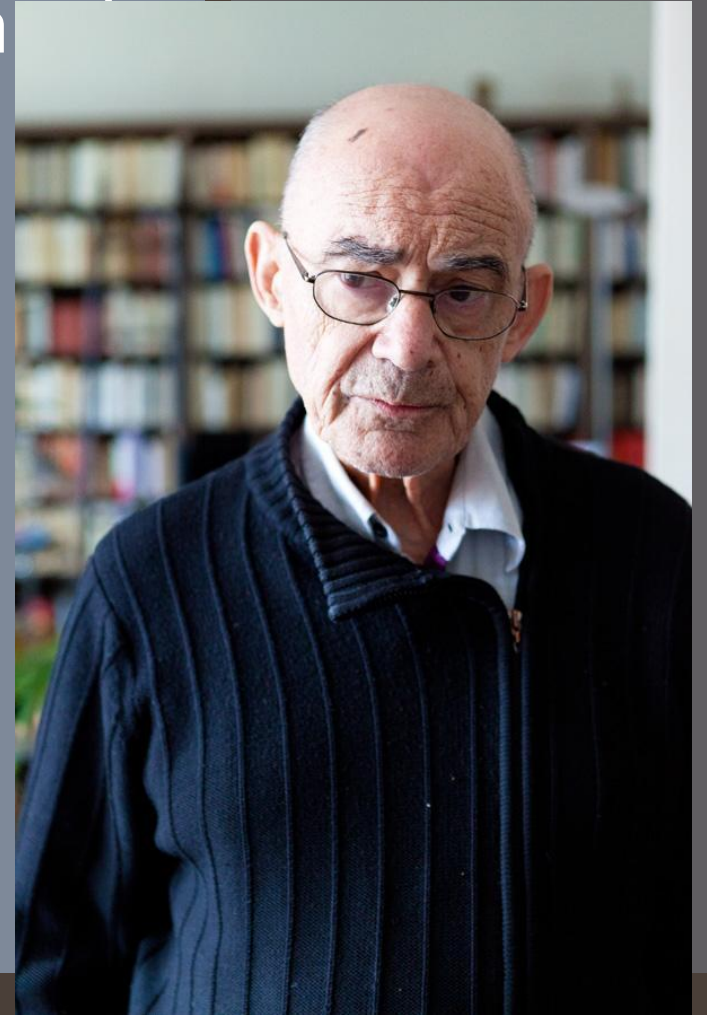

Жан-Люк Нанси— французский философ. Автор теории сообщества как бытия-вместе (être-en-commun).

Левый французский философ постмодернист

В этом плане обращение к марксизму, как и вообще «левое» позиционирование в политическом спектре – это тактика, одна из тактик в планомерно осуществляемой программе дистанцирования «поздних постмодернистов» от собственно постмодернизма. Еще одной их тактикой борьбы с «обществом гиперпотребления и симулякров» можно считать яростные памфлеты против вторжения США в Ирак, бомбежек в Косово – событий, в которых, в общем, умирала западная демократия, сама идея Запада как символа цивилизации в модерне

- Как мыслитель современной формации он пытается показать, что философская практика «перестает быть только специальным, техническим упражнением», но становится поворотом «мысли и языка к внешнему того самого предела, которому они раскрыты в показе (и который они показывают сами)». Из этого вытекает его устойчивый интерес к проблеме «предела», которую он рассматривает в самых разных проекциях. Если философия — это не «техническое упражнение», не профессорская работа в университете, то, следовательно, ей надлежит отыскивать для себя новые выразительные средства, которые бы легитимировали ее положение в современном обществе, не сводя ее бытие лишь к воспроизводству в университетских пространствах.

- Мы принадлежим той культуре, в какой ритуальную формулу эту неустанно повторяли миллионы священнослужителей миллионов культов. В рамках этой культуры (при)знают ее все, независимо от того, исповедуют ли они христианство или другую веру. Если речь идет о христианах, то для одних эта формула выражает реальное освящение: вот оно, здесь, тело Бога, а для других - это символ, которому причащаются те, кто отождествляет себя с Богом, с телом Бога. Эта формула также наиболее зримо воспроизводит наше упорно сохраняющееся или сублимированное язычество: хлеб и вино, иные тела иных богов, тайны - мистерии - чувственной достоверности

- Кто другой на этом свете знает, что такое "тело"? Это позднейший продукт нашей древней культуры, доль-ше всех он подвергался осветлению, очистке, разборке и последующей сборке. Если Запад, в соответствии со своим именем, - падение, то тело - последний, самый тяжелый груз, который в нем опрокидывается. Тело есть тяготение. Законы гравитации управляют телами в пространстве. Но, прежде всего, тело само в себе весит: оно опустилось в себя, согласно закону той самой гравитации, что сжала его до точки, когда оно совпадает с собственной тяжестью. То есть совпадает со своей толщиной, как у тюремной стены, с массой, как у земли, плотно насыпанной в могилу, со своей липкой тяжестью рубища и, наконец, с особым грузом воды и костей. Но всегда и в первую очередь тело обременено своим падением, низвергаясь из какого-то эфира, - черный конь, дурной конь.

- Тело смысла - вовсе не воплощение идеальности "смысла": напротив, это конец идеальности, а следовательно, конец смысла в той мере, в какой он перестает отсылаться и соотноситься с самим собой (с идеальностью, которая делает его "смыслом"), зависая на этой границе, образующей наиболее свойственный ему "смысл" и как таковой его выказывающей. Тело смысла выказывает эту "основополагающую" приостановку смысла (оно выказывает существование) - это можно обозначить также взломом, который и есть "смысл" в самом порядке "смысла", "значений" и "истолкований".

- Значит, тело показанное: однако это не выставление напоказ того, что с самого начала было спрятано, сокрыто. Здесь показ есть само бытие (иначе говоря: существование). Или, еще лучше: если сущностью бытия как субъекта является самополагание, то здесь самополагание как таковое, по сути своей и структуре, само по себе есть показ. Auto = ex = тело. Тело есть быть-показанным бытия.

- Прежде всего, это, наверное, не иначе, как и не более чем вот что: на подходе то, что нам показывают образы. Миллиарды наших образов нам показывают миллиарды тел - так, как тела никогда не показывались раньше. Толпы, скопления, стычки, пачки, колонны, сборища, кишение, армии, банды, бегство врассыпную, паника, ступени, процессии, столкновения, избиения, бойни, общности, рассеивание, переполнение, половодье тел, всегда образующих разом компактные массы и блуждающие распыления, тел, всегда собранных вместе (на улицах, в ансамблях, мегаполисах, пригородах, местах транзита, надзора, торговли, заботы, забвения) и всегда отданных во власть стохастической путаницы все тех же мест, структурирующего их движения непрерывного всеобщего отхода. Таков мир всемирного отхода - опространствование, мир, над каким ничто не возвышается и какой ничто не подбирает, мир без Субъекта своего предназначения, имеющий место лишь как баснословная скученность тел.

- Именно так и производится мир тел, и этот мир в конце концов - единственный настоящий продукт нашего мира. Все сводится к нему: нет разницы между "естественными" и "техническими" явлениями(циклон над Бангладеш с сотнями тысяч погибших, десятками миллионов пострадавших неотделим от демографии, экономики, отношений между Севером и Югом и т.д.); или же, если взять другой срез, общество, увеличивающее число маргинальных форм и исключений, само обрекает себя на них, судорожно ими заражается до самой своей сердцевины (наркотики, СПИД), и это тоже тела, и это тоже их раны. Итак, всемирным в первую очередь является не то, что непременно занимает всю планету.

- Наш мир это мир "техники" - мир, чей космос, природа, боги, система, завершенная в своих наиболее скрытых внутренних связях, выставлены напоказ как "техника": это мир экотехнии. Экотехния функционирует при помощи технических приспособлений, к которым она нас со всех сторон подключает. Но создает она не что иное, как наши тела, производя их на свет и подключая к этой системе, творя их тем самым более зримыми, более плодовитыми, более полиморфными, более скученными, более "массовидными" и "зонированными" чем когда бы то ни было

- Где прежде всего находятся тела? Тела прежде всего в труде. Тела наказаны трудом. Прежде всего они едут на работу, возвращаются с работы, ожидают отпуска, берут его и быстро из него выходят, трудятся, воплощаются в товар, сами по себе товар, рабочая сила, капитал - ненакопляемый, продажный, истощаемый - на рынке капитала накопленного, накапливающего. Творящая технэ творит тела завода, мастерской, строительной площадки и конторы, которые *partes extra partes* образуют - своими сочетаниями и движением со всей системой в целом - детали, рычаги, сцепления, пригонку, отрезку, капсулирование, фрезеровку, просечку, штамповку, регулируемые системы, системные регуляции, складирование, хранение, разгрузку, бой, контроль, перевозки, пневматик, масла, диоды, карданы, вилы, шатуны, цепи, дискеты, факсы, маркеры, высокие температуры, распыления, сверления, прокладку кабеля, устройство каналов, тела, направляемые не к чему иному, как к их превращенной в деньги силе, к прибавочной стоимости капитала, который собирается и концентрируется тут.

- Нанси утверждает, что наше мышление с самого начала строится по модели суверенитета и, уже детерминированное его логикой, не может не изобретать себе “субъекта”, “народ” или же другие устойчивые идентичности с претензией на подлинность, следовательно, — на власть. Таким образом, мысль “сбивается с пути” намного раньше, еще до возникновения субъекта или субстанции, в силу своей неумеренной жажды себя, инерции присвоения и захвата, стягивания мира в “узелки”7 владения и господства, в атомы, монады, единства того же самого, множась на себя нули.

- Рассматривать это заявление в качестве политического можно с некоторой оговоркой — Нанси считает, что “философ не должен предлагать политику: он должен объяснять, каковы условия, в которых политика сейчас возможна”¹⁴. Самоопределение интеллектуала связывается с такой совершенно неотложной революционизацией мышления, из которой логика капитала, отчуждения и эксплуатации ни при каких обстоятельствах не могла бы воспоследовать. Обеспечить политическую экономию фундаментальной онтологией — значит, буквально, освободить пространство (бытие) для коммунизма как политической философии, которая еще никогда не имела места, поскольку само мировое пространство казалось безнадежно закольцованным частной собственностью. Понятый таким образом коммунизм — это не отдаленный горизонт светлого будущего или, что то же самое, утраченного прошлого, то есть внешний Другой, но просто неперемное условие существования разных и равных в исключительно материальном мире тел, безо всяких умножений сущностей и запредельных оснований.